

ОДИССЕЙ

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Social Entities
and Their Metaphorical
Interpetations*

Moscow IWH RAS 2021

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Социальные категории и их
интерпретация на языке
метафор*

ИВИ РАН 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.),
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА (отв. ред.),
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.),
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С. БОБКОВА,
кандидат исторических наук Е.Д. БРАУН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: ИВИ
РАН **2021** : Социальные категории и их интерпретация на языке метафор /
[гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. О.Е. Кошелева, А.Б. Герштейн]. – 2021.
– 000 с. –

ISSN 1607-6184

Очередной выпуск альманаха «Одиссей» («Социальные категории и их интерпретация на языке метафор») посвящен анализу представлений о принципах и формах социальной стратификации в разных культурах. На огромном историческом материале, относящимся к разным эпохам (от Средневековья до раннего Нового времени) и регионам, на примере разнообразных источников – от морально-дидактических и политических трактатов до памятников искусства – авторы обсуждают следующие вопросы: как функционировало социальное воображение в традиционном обществе, как люди описывали тогда устройство современного им общества, по каким принципам вычленили социальные категории и какие мыслительные практики для этого использовали. В других разделах выпуска публикуются статьи и исследования по античной истории и истории крестовых походов. Раздел рецензии представлен критическим этюдом А.Б. Герштейн о новой книге М.Р. Майзульса «Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха».

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкой читательской аудитории.

© Коллектив авторов, 2021

© Кошелева О.Е. Герштейн А.Б., отв. ред.
выпуска, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

А.А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

DOI: 10.32608/1607-6184-2021-29-1-51-68

Аннотация: В статье рассматриваются тексты трех юридических трактатов разного времени, от конца XVI до конца XVIII в., авторы которых обращались к языку метафор, а также отражение этого языка в иконографии. Как правоведы, так и художники стремились продемонстрировать своим читателям и зрителям, что общество едино и, в то же время, состоит из неравных по своему статусу сословий. С этой целью использовались метафоры тела, дерева, армии, семьи. За рассматриваемый период отношение к метафорам существенным образом изменилось. В XVII–XVIII вв. не раз высказывались сомнения в возможности прибегать к языку метафор для адекватного описания и познания общества, тем не менее, современники от этого языка не отказались. В XVIII в. многие из привычных метафор подверглись переосмыслению в просветительской литературе, а также в публицистике и в пропаганде накануне Французской революции. Телесная метафора получила новую интерпретацию в русле концепции общественного договора, а образ Франции как супруги короля трансформировался в фигуру Республики-Марианны.

Ключевые слова: антропоморфные образы, дерево сословий, нация, общество рангов, политический дискурс, политическое тело.

Keywords: anthropomorphic images, nation, political body, political discourse, society of ranks, tree of estates.

Описывая современное им общество, французские авторы Раннего Нового времени, подобно своим средневековым предшественникам, стремились донести до читателя две разные и взаимодополняющие идеи: социума (*res publica*) как единого целого и неравенства людей разных сословий (*ordres* или *états*¹).

¹ На русский язык обычно и тот и другой термин, употребляемый в социальном смысле, переводят как «сословие». Они действительно могли употребляться как синонимы, хотя разница между ними есть. Так, в четвертом издании *Словаря Академии* (1762) указано: «*Ordre*, так говорят о Корпорациях (*se dit aussi Des Corps*), составляющих Государство (*qui composent un État*)». См.: Dictionnaire de l'Académie française. 1762: *Ordre*; «*État*, означает также профессию, положение (*signifie aussi, Profession, condition*); *État*, – положение человека, законно- или незаконнорожденного, дворянина или простолюдина (*La condition de la personne, en tant qu'elle est légitime ou bâtarde, noble ou roturière*)». См.: Dictionnaire de

Одним из традиционных аллегорических образов монархии, относящимся как к государству, так и к обществу, была метафора политического тела. Она удачно и доходчиво выражала обе идеи: нераздельного единства и неравенства. Как голова не равна мизинцу левой ноги, так и король (голова политического тела) не равен своему подданному.

Политическое тело не обязательно должно быть телом человека. Так, Шарль де Фигон, королевский советник и ординарный судья Счетной палаты Монпелье, изложил и даже визуально представил органицистскую концепцию монархии в виде «древа сословий и должностей» в сочинении под названием *Слово о сословиях и должностях как правительства, так и правосудия и финансов Франции с кратким описанием полномочий, юрисдикции и компетенции каждого из них* (1579)². В предисловии «К читателю» он именовал описанные им в трактате сословия и должности попеременно то «телом», то «корнем», «стволом» и «ветвями древа».

К первому изданию его трактата прилагалась оргниграмма, изображавшая «древо сословий и должностей (*Arbre des Estats et Offices de France*)» (Илл. 1). Короля на схеме не видно, он скрыт глубоко под землей, видимые корни древа образует королевский совет, ствол его – это канцлер как глава правосудия, то есть у Фигона представлено древо судебной монархии. От ствола отходят многочисленные ветви в виде судебных, финансовых, полицейских, административных, придворных и армейских учреждений и должностей. Отдельными ветвями, растущими непосредственно из корней, т.е. от короля, минуя канцлера, представлены провинциальные губернаторы и послы при иностранных дворах. Изображая монархию подобным образом, Фигон наглядно показывал, как описанные в его трактате сословия и должности связаны и взаимодействуют между собой. Его древо выражало одновременно сущностное единство и ранжированность французского общества. Очевидно, неслучайно на исходе Религиозных войн была предпринята попытка зримо представить единой французскую монархию, раздираемую гражданскими конфликтами. Но древо Фигона изображало не всю Францию, а лишь тех, кто состоял на коро-

l'Académie française. 1762: État. Следовательно, *ordre* – понятие юридически более четкое, обозначающее единую корпорацию с особым правовым статусом, тогда как *état* – понятие более широкое, характеризующее общественное положение человека.

² *Figon*. 1579. Комментарии к сочинению Фигона см.: *Le Roy Ladurie*. 1987: 246–249 (русск. перев.: *Ле Руа Ладюри*. 2004: 257–274).

фигуры, обычно с короной на голове и в платье или в мантии, украшенных геральдическими лилиями. Примерами таких визуальных метафорических образов могут служить гравюры, посвященные восшествию на престол Людовика XVI. На листе, появившемся сразу после смерти Людовика XV, его авторы Франсуа Годфруа и Персон де Беренвиль изобразили овдовевшую Францию в трауре у ступеней трона оплакивающей покойного монарха (Илл. 2). Но ей навстречу уже устремился молодой король, который спустился с трона и приветственно протягивает ей руку. Над тронном сияет солнце, крылатый гений венчает монарха лавровым венком, а на королевском троне восседает Минерва с оливковой ветвью, возвещающей мирное и спокойное царствование. По другую сторону трона художники изобразили аллегорические фигурки-путти Живописи, Поэзии и Географии: первая запечатлевает портрет короля, вторая готовится воспевать его добродетели, а третья измеряет на карте просторы его владений. Под композицией стоит подпись: «SUFFICIT OMNIBUS. M.DCC.LXXIV»⁴. Справа от картуша с аллегорической сценой расположен другой, содержащий подробное объяснение всех эмблем. Под картушами напечатано длинное стихотворение, которое начинается и завершается такими строками:

*Dans ta juste douleur laisse couler tes larmes,
 Ô France ! tu les dois aux mânes de Louis,
 De ton Roi Bien Aimé, du Héros dont les Armes
 Foudroyères cent fois tes plus fiers ennemis.
 Il n'est plus, c'en est fait... mais quoi! Louis respire,
 Louis, dont les Vertus, l'Esprit et le grand Coeur,
 Aux yeux de l'Univers qui l'honore et l'admire,
 Répandent dans ton sein l'espoir le plus flatteur.
 <...>
 Goûtés, Prince adorable, en votre heureux Empire,
 D'un sort digne de vous le charme si touchant.
 Tendre Époux, Roi chéri, votre coeur doit se dire:
 Et la Terre et le Ciel couronnent mon Penchant⁵.*

⁴ Хватит всем. 1774 (лат.). Т.е. художники уверяли, что принесенного молодым королем счастья и благоденствия хватит на всех.

⁵ В глубокой скорби лей ты слезы, / О, Франция, над Людовиком почившим, / Твоим возлюбленным Монархом и Героем, чей Меч / Сто раз сражал твоих надменнейших врагов. / Всё конечно, его нет больше ... но что это! Людовик жив, / Людовик, чьи Доблести, Ум и Сердце / Перед лицом почтительной и восхищенной им Вселенной / Переполюют сладостной надеждой твою грудь.

В этих стихах высказана традиционная формула: «Король никогда не умирает». Не успел один Людовик сойти в могилу, как на смену ему уже спешит другой. Примечательны также слова «нежный супруг», которые могут быть истолкованы как в прямом, так и в переносном смысле. Людовик XVI к моменту восшествия на престол уже был женат, но и его восшествие на престол стало политическим бракосочетанием с французской монархией.

На гравюре Жака Маршана, изготовленной тоже по случаю восшествия на престол Людовика XVI, Франция с короной на голове, скипетром в левой руке и в мантии, расшитой геральдическими лилиями, указывает богине Славы на возносимые крылатыми гениями-путти медальоны с портретами короля и королевы⁶. Слава заносит их имена в книгу, которую держит перед ней другой крылатый гений, облаченный в доспехи. На заднем плане художник изобразил храм с колоннами, между которыми развешаны портреты монархов: Карла Великого, Филиппа VI Валуа, Генриха IV и двух других, чьи портреты не подписаны. Справа из-за туч восходит Солнце с надписью по окружности: «Occasum Gallia nescit»⁷. Эта композиция также выражает идею, что «король не умирает». Солнце не заходит, потому что на смену умершему королю сразу приходит его преемник. В то же время, в гравюре, как и в предыдущей, читается и другая мысль: Франция не тождественна королю, перед ней проходит длинная вереница сменяющих друг друга монархов, а вечная Франция всегда жива, и именно она облачена в мантию с геральдическими лилиями. Таким образом, гравюры иллюстрируют смысл фундаментальных законов французской монархии, согласно которым Корона независима от короля.

На анонимной гравюре, посвященной коронации Людовика XVI (1775 г.), Франция в виде дамы со скипетром в руке в сопровождении воина поднимается по ступеням алтаря, где преклонил колени король. Гравюру сопровождает стихотворная подпись:

*Peuple rendu fameux par l'amour de tes Rois !
Fait retentir les aïres de tes chants d'allegresse,
Le Ciel en couronnant l'objet de ta tendresse
Ne fait en ce beau jour que confirmer ton choix,*

<...> *Наслаждайся, прекрасный Государь, в своем счастливом Царстве / Всеми благами достойной Тебя судьбы. / Нежный Супруг, любимый Король, сердце тебе скажет: / Земля и Небеса венчают мой Порыв.*

⁶ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69401165.item> (дата обращения: 24.05.2021).

⁷ «Галлия не знает заката» (лат.), т.е. над Францией не заходит Солнце.

*Louis au premier pas qu'il fait dans son Empire
S'occupe des moyens de conserver nos jours.
La France le previent, et tout son peuple aspire,
À prodiguer les siens pour qu'il vive toujours*⁸.

В этих стихах следует обратить внимание на слова о небесах, утверждающих в день коронации выбор народа. В них отразилась попытка некоторых современников наполнить традиционную и казавшуюся им архаичной церемонию коронации новым смыслом, интерпретировав ее в русле концепции общественного договора. Народ-суверен, представленный в образе женщины-Франции, выбирает монарха, а в ходе коронации их союз, заключенный на договорной основе, скрепляется самими Небесами⁹.

Аллегорическая фигура Франции появлялась не только при венчании короля на царство, но и в другие важные моменты истории монархии. Так, на гравюре Жозефа де Лонгёя, изготовленной по случаю рождения долгожданного сына-наследника в королевской семье (1781 г.), Франция в платье, расшитом геральдическими лилиями, держит на руках дофина и смотрит на короля, которого с двух сторон окружили Фемида и Минерва¹⁰. Фемида попирает ногами озлобленную Зависть со снятой маской в руке: преемственность монархии теперь обеспечена, династического кризиса, на который могли надеяться злопыхатели, в стране не будет. Два ангелочка-путти поднимают корону над головой Людовика XVI, а к Франции с новорожденным дофином устремился восторженный народ. Примечательно, что королеве в этой композиции места не нашлось. Именно Франция предстает здесь в роли супруги короля и матери наследника престола.

Без антропоморфного образа Франции не обходились и значительные события политической истории страны. Например, на эстампе Волька «Долгожданное возвращение», аллегорически запечатлевшем отмену реформы канцлера Рене-Никола Мопу и восстановление прежних парламентов (1774 г.), Франция, увенчанная короной, представля-

⁸ *Народ, прославленный любовью к Королю! / Воспой и возликуй, / Возлюбленного твоего венчали Небеса, / Твой выбор утвердив в сей славный день. / С первых шагов в своем Царстве Людовик / Нас заботливо хранит. / А встречающая его Франция и весь народ / Желают ему вечной жизни. См.: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6940121g.item> (дата обращения: 24.05.2021).*

⁹ О дискуссиях вокруг символического смысла коронации в 1775 г. см.: *Valensise*. 1986: 543–577.

¹⁰ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6941974p.item> (дата обращения: 24.05.2021).

ла королю коленапреклоненного магистрата¹¹. Король изображен восседающим на троне, в мантии с геральдическими лилиями и опирающимся правой рукой на скипетр. Минерва держит у него над головой лавровый венок. В небесах видны трубящий ангел, Церера с рогом изобилия и Фемида, разящая мечом Клевету с клубком змей в руке и Зависть со снятой маской. В левом нижнем углу, у подножия трона художник изобразил атрибуты изящных искусств и четырех ангелочков-путти, двое из которых изучают текст «Постановления Королевского совета о возвращении парламентов», а двое других украшают цветами земной шар, покрытый французскими геральдическими лилиями. Помимо надежд на благоденствие и процветание страны, связанных с восстановлением парламентов, художник выразил в этом рисунке представления о французской монархии, где правят совместно король и Франция, опирающаяся на парламенты. Примечательно, что атрибуты власти здесь разделены между королем (трон, мантия, скипетр) и Францией (корона).

Аллегорию Франции в виде женской фигуры мы встречаем вплоть до последних лет существования монархии. На цветном эстампе Жана-Батиста Верите «Надежда Франции», появившемся в период подготовки к открытию Генеральных штатов в 1789 г., Минерва стоит возле трона и указывает Людовику XVI на недавно возвращенного в министерство и популярного в то время Жака Неккера в сопровождении Фемиды. Король устремился навстречу своему министру. С противоположной стороны Хронос разгоняет тучи и открывает ясное небо. Внизу бурные воды разбиваются о скалу с якорем, и бедняки получают надежду на счастливое будущее. У подножия трона Франция поднимает на алтарь и украшает гирляндой цветов медальон с изображениями Людовика XVI и Генриха IV¹². Развернутая подпись внизу подробно объясняет символику композиции. Как и на рисунке, посвященном возвращению парламентов, атрибуты власти здесь разделены между королем и Францией. Король с непокрытой головой сидит на троне в мантии с геральдическими лилиями, а Франция в такой же мантии и с короной на голове стоит у подножия трона. Вновь она предстает здесь самостоятельной личностью, активно действующей наряду с королем.

Сопровождающая короля женская фигура, как и «древо сословий и должностей», выражали символическим языком мистическую сущ-

¹¹ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6942553f> (дата обращения: 24.05.2021).

¹² <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8446738w.item> (дата обращения: 24.05.2021).

ность французской монархии, в которой наделенный абсолютным суверенитетом король не считался собственником своего королевства и должен был соблюдать его фундаментальные законы. Дерево монархии опирается на короля, а Франция-женщина подчиняется своему супругу, но каждый из таких аллегорических образов наделен своей особой телесной сущностью, способной жить и действовать автономно от короля, хотя и вместе с ним. В дальнейшем это обеспечило возможность для наделения антропоморфного образа страны новыми смыслами и для его триумфального шествия уже после свержения монархии.

С концепцией общества как единого тела сосуществовала и дополняла ее концепция «общества рангов». В историографии существует мнение, что последняя постепенно вытесняла первую. Робер Десимон, изучая эволюцию публичных церемоний в Париже XVI в., пришел к выводу, что на их примере можно видеть, как уходила в прошлое «органицистская концепция, соединяющая короля и королевство в единую сущность», и на смену ей приходило «общество рангов», или «сословное общество» (*société d'ordres*)¹³.

Описание сословного общества мы находим у Шарля Луазо в *Трактате о сословиях и простых должностях (Traité des ordres et simples dignitez, 1610)*. Общество у Луазо разделено на три сословия (*ordres*, согласно средневековым учениям об *oratores, bellatores* и *laboratores*), а каждое сословие – на степени (*degrés*). Пытаясь образно представить иерархическую соподчиненность и порядок в обществе, Луазо уподобляет общество с его сословиями и рангами, во-первых, небесной иерархии Дионисия Ареопагита и, во-вторых, армии, где установлена строгая субординация, при которой одни командуют, а другие подчиняются¹⁴. У Луазо мы видим метафоры двух типов: уподобление земного общества небесной иерархии призвано раскрыть трансцендентную сущность явления¹⁵, тогда как аналогия между об-

¹³ Десимон. 2001: 176.

¹⁴ *Loyseau*. 1701: 1–2.

¹⁵ Поль Рикёр, основываясь на «Метафизике» Аристотеля и «Сумме теологии» Фомы Аквинского, подчеркивал, что в основе использования метафоры в философском и теологическом дискурсе лежит представление о категориальном единстве бытия. Такая метафора выражает трансцендентную сущность явления, поскольку «созидающая причинность устанавливает между творениями и Богом связь причастности, которая делает онтологически возможным отношение аналогии». См.: Рикёр. 2013: 131. Именно такую функцию Робер Десимон обнаруживает у метафоры политического брака, описывающей трансцендентную сущность взаимоотношений между королем и монархией. См.: Десимон. 2002: 169–171.

ществом и армией нацелена на то, чтобы наглядно продемонстрировать мысль автора об упорядоченности и иерархичности общественного устройства. При этом обе метафоры передают как идею неразрывного единства монархии, так и идею неравенства рангов внутри нее.

Но в отличие от армейской субординации, ранги сословного общества не выстраиваются в четкую иерархическую пирамиду. Иерархия рангов существовала, но менялась от случая к случаю. Как справедливо отмечает современная исследовательница, «иерархия не есть классификация, и последняя, как понятие, мешает осмыслению системы (общества рангов. – Л.П.), отличающейся текучестью. Ибо церемониальному порядку присуще расположение участников в зависимости от обстоятельств, а не в соответствии с критериями, принятыми всем обществом и действующими повсеместно, в отличие от классификации, понимаемой как формализация по группам, отделенным друг от друга четко определенными демаркационными линиями»¹⁶. Сами понятия *ordre* и *état* подразумевают упорядоченность, ранжированность, однако устоявшейся и неизменной пирамиды рангов во французском обществе того времени не было. В силу отмеченной текучести иерархия рангов с трудом поддается визуализации¹⁷. Наиболее адекватным ее визуальным образом можно считать кортеж, подобный тем, что изображались на гравюрах по случаю королевских въездов в Париж и другие города страны. В обоснование предложенной аналогии между обществом в целом и неким церемониальным шествием можно вспомнить очерк Роберта Дарнтон о буржуа из Монпелье середины XVIII в., который «наводил порядок в окружающем мире», описывая население своего города в виде торжественного шествия городских жителей, построенных по рангам¹⁸. Такой выстроенный по рангам кортеж, если обратиться к метафорам из трактата Луазо, подобен войску на марше.

Если у Луазо, как мы видели, метафоры употреблялись не только в качестве риторического приема, но и для проникновения в суть видимых явлений¹⁹, то со временем мыслители XVII–XVIII вв. усомни-

¹⁶ *Cosanday*. 2016: 460.

¹⁷ Органиграмма Фигона, как отмечалось выше, изображала не всё французское общество, а только держателей государственных должностей.

¹⁸ *Дарнтон*. 2002: 126–172.

¹⁹ Как писал Поль Рикёр, «метафора есть стратегия дискурса, при помощи которой язык освобождается от функции прямого описания, чтобы подняться на мифический уровень, на котором освобождается его функция открытия». См.: *Ricoeur*. 1975: 311.

лись в их эвристическом потенциале. Парадоксальным образом одним из первых свои сомнения на этот счет высказал автор самой знаменитой и до сих пор актуальной метафоры, характеризующей государство, – Томас Гоббс. В *Левиафане* он включил метафору в число «злоупотреблений речью», так как, употребляя слова метафорически, люди используют их «в ином смысле, чем тот, для которого они предназначены, обманывая этим других»²⁰.

Антуан Арно и Пьер Николь в *Логике Пор-Рояля* тоже выражали недоверие метафоре, употребленной в научном дискурсе, указывая на «разницу между воображением и чистым разумением»²¹. По их мнению, путаница в мыслях и рассуждениях начинается оттого, что «любой язык изобилует подобными словами, которые звучат одинаково, но являются знаками совершенно разных идей»²². Поэтому, чтобы правильно мыслить, лучше создать особый научный язык, в котором не будут употребляться в переносном смысле слова из обыденного языка.

Вслед за ними авторы *Энциклопедии* Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера выражали сомнения в правомерности использования метафор как средства адекватного описания и, тем более, познания действительности, признавая возможность употреблять их исключительно как риторический прием. Автором статьи «Метафора» в *Энциклопедии* был известный лингвист Николая Бозе (1717–1789). Ссылаясь на мнение другого лингвиста, Сезара Шено дю Марсе (1676–1756), он пишет, что метафора – «это фигура, с помощью которой переносят, так сказать, собственное значение имени (я бы предпочел сказать *слова*) на другое значение, которое подходит ему лишь в силу произведенного в уме сравнения. Слово, взятое в *метафорическом* смысле, теряет свое собственное значение и обретает новое, которое приходит на ум лишь путем сравнения между собственным смыслом этого слова и того, что с ним сравнивают». Это не более чем риторический прием. Ссылаясь далее на мнение еще одного современника-лингвиста, Уильяма Уорбертона (1698–1779), Бозе утверждает, что метафора «очевидно порождена грубостью восприятия (*la grossièreté de la conception*). Первобытные люди, будучи простыми, грубыми и чувственными, могли выражать свое несовершенное понимание абстрактных идей и умственные операции лишь с помощью чувственных образов, которые в результате такого применения становились *метафорами*. Таково

²⁰ Гоббс. Гл. IV.

²¹ Арно, Николь. 1991: 33.

²² Арно, Николь. 1991: 81.

истинное происхождение образных выражений, и оно не связано, как обычно предполагают, с пламенным поэтическим воображением». Т.е. происхождение метафор автор связывал с неразвитостью абстрактного мышления у первобытного человека. Возвращаясь к изложению мыслей главного для него авторитета, Дю Марсе, Бозе продолжает: «Я убежден, что за один день на парижском рынке рождается больше образов, нежели за несколько дней в академических собраниях». Помимо неразвитости первобытного человеческого интеллекта, к появлению метафор приводит также неразработанность научной терминологии; в этом Бозе полностью солидарен с авторами *Логики Пор-Рояля*. «Мы уже отмечали, – пишет он, – что в языках меньше слов, чем у нас идей; эта нехватка слов привела к появлению многих *метафор*». Но при всех их недостатках метафоры так прочно вошли в язык, что их употребляют и в языке науки. С этим приходится смириться, только не следует ими злоупотреблять, – таков вывод Бозе²³.

Юристы XVIII в., следуя изложенному в статье из *Энциклопедии* правилу, не отказывались от использования метафор, но и не злоупотребляли ими. Причем появление в тексте одной метафоры не исключало использования других. Так, в изданном во второй половине 1780-х гг. коллективном *Трактате о правах, обязанностях, вольностях, свободах, прерогативах и привилегиях, присущих каждому званию во Франции* его авторы в разных ситуациях использовали метафоры тела, семьи и армии. Рассуждая о единстве французской монархии, они употребляли наиболее подходящую к этому случаю телесную метафору и отмечали, что «французское королевство, подобно всякому другому, можно рассматривать двояко, то есть либо как политическое тело, либо как собрание личностей, исповедующих культ Верховного Существа»²⁴. В ходе рассуждений о справедливом устройстве общества в тексте возникает метафора общества-семьи как идеал, к которому следует стремиться, но до которого далеко современному обществу. Автор этого раздела трактата Луи Робен де Моза, критикуя сложившуюся во Франции практику продажи должностей, пишет: «Если рассматривать государство как семью, все члены которой должны сотрудничать и работать ради общего блага, со взглядами, свободными

²³ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1751–1771: Т. X; 436–440.

²⁴ Guyot et al. 1786–1789. 1; 2. Авторами трактата были адвокаты Парижского парламента Буше д'Аржи-отец, Де Сез, Гарран де Кулон, Анрион де Пансе, Робен де Мозас, Трейяр, советник Парижского парламента Буше д'Аржи-сын и адвокат парламента Фландрии Мерлен.

от малейшего стремления к роскоши и выгоде, нет ничего более противного сей счастливой гармонии, ни более вредного порядку и общему благу, чем такая легкость получить должность за денежную сумму, есть ли или нет надлежащие качества для обладания ею»²⁵. Современное же общество – это не вполне семья, во всяком случае, семья, члены которой живут не в полном согласии друг с другом. Когда речь заходит о королевской администрации, авторы трактата обращаются к метафоре армии и пишут, что во всех отраслях администрации следовало бы ввести «военную иерархию»²⁶. Отмечая, что иерархию рангов выстроить вообще крайне затруднительно, юристы XVIII в. ссылались также на то, что во Франции разные территории управляются по-разному и у жителей разных провинций различается правовой статус²⁷.

К XVIII в. образ тела уже превратился в то, что Рикёр называл изношенной, или мертвой метафорой. А из мертвых метафор, по Рикёру, образуются понятия²⁸. В XVIII в. таким ключевым понятием политического дискурса стала «нация».

Образ нации унаследовал черты метафоры политического тела. Она могла представляться антропоморфно, как, например, у Шарля-Луи Монтескьё, который писал об «общем духе нации» и наделял ее, подобно человеческому существу, нравом, сердцем, характером, вкусом, способностями и т.д.²⁹ Популяризации представлений о нации, наделенной неким особым духом, способствовал *Опыт о нравах и духе народов* Вольтера³⁰. Во многом благодаря ему понятия *дух нации* (*l'esprit de la nation*) и *национальный дух* (*l'esprit national*) получили широкое хождение в литературе XVIII в.

В просветительской литературе метафорическое представление об обществе и нации как телесном организме нашло последовательное выражение в написанной шевалье Луи де Жокуром статье «Государство» для *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера. Хотя статья и называется «Государство», речь в ней идет не столько о государстве как политической структуре, сколько о том, что мы назвали бы обществом. По словам де Жокура, «можно рассматривать *государство* как моральную персону, голова которой – суверен, а части тела – частные лица; вследствие этого данной персоне приписывают определенные свой-

²⁵ Guyot et al. 1786–1789.1; VI.

²⁶ Guyot et al. 1786–1789.1; XIII.

²⁷ Guyot et al. 1786–1789.1; XVI–XVII.

²⁸ Рикёр. 2013: 146–148.

²⁹ Монтескье. 1955: 412.

³⁰ Voltaire. 1878.

ственные ей действия и определенные права, отличные от прав отдельных граждан, причем ни один гражданин, ни несколько не могут присвоить себе эти права. Это объединение нескольких личностей в одно тело, совершенное при помощи воли и силы каждого отдельного лица, отличает *государство* от толпы; ибо толпа есть лишь собрание нескольких личностей, каждая из которых обладает своей частной волей; в отличие от этого, *государство* есть общество, обладающее одной-единственной живой душой, которая постоянно направляет все его движения относительно к общей пользе. Вот счастливое *государство*, *государство* в превосходной степени. <...> Таким образом, политическое тело, или *государство* образуется соединением воли, поддержанным высшей властью; и без этого невозможно представить себе гражданское общество. К тому же, у политического тела, как и у человеческого тела, различают здоровое состояние, хорошее сложение и болезненное состояние. Его болезни происходят или от злоупотребления верховной властью, или от плохого устройства *государства*; и их причины следует искать в недостатках тех, кто правит, или в пороках самого правления»³¹. Де Жокур излагает здесь целую концепцию государства и гражданского общества как телесного организма, пытаясь применить научный подход для объяснения социальных явлений. Употребленная де Жокуром метафора тела является выражением свойственной ему холистической и реалистической концепции государства-общества как реально существующей целостности, отличной от совокупности составляющих его граждан, хотя и возникшей в результате их волеизъявления.

Ту же концепцию с использованием метафоры тела мы встречаем у Жан-Жака Руссо. У него индивиды, заключающие между собой общественный договор, растворяют свою индивидуальную волю в коллективной воле и образуют в результате «моральное и коллективное тело»: «Этот акт ассоциации в момент заключения его ставит на место отдельной личности каждого вступающего в договорные отношения моральное и коллективное тело, состоящее из стольких же членов, сколько в собрании голосов, и получающее из того же акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и свою волю. Эта, образующаяся таким образом, путем союза всех других личностей, общественная личность называлась когда-то *гражданской общиной (cité)*, а теперь она называется *республикой* или *политическим телом*; члены же этого по-

³¹ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1751–1771. VI; 16–30.

литического тела дают ему название *государства*, когда оно пассивно, *суверена*, когда оно активно, и *державы*, когда они сравнивают его с подобными же телами. По отношению к участникам они коллективно принимают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами*, как участники суверенной власти, и *подданными*, как подчиненные законам государства»³². При помощи метафоры тела Руссо объясняет читателю ту мысль, что каждый вступающий в общественный договор перестает быть автономным индивидом и становится частью коллективного целого – морального и политического тела нации.

Авторы *Трактата о правах*, Монтескьё, де Жокур и Руссо демонстрируют нам принципиально иной способ применения метафор, нежели у Фигона с его деревом монархии и у Луазо, сравнивавшего человеческое общество с небесной иерархией. Метафора теперь используется не как способ выяснения трансцендентальной сущности, которой больше нет, а либо как суждение по аналогии, когда нечто сложное, абстрактное и не вполне понятное (общество) пытаются объяснить путем аналогии с чем-то более простым, привычным и понятным (семьей, армией или механизмом), либо путем применения научного подхода к анализу общества как естественного явления и уподобляемого с этой целью телесному организму. Так «изношенная», согласно Рикёру, метафора политического тела переосмысливается в просветительской литературе в русле концепции общественного договора.

Помимо такой новой интерпретации, в XVIII в. метафора из средства познания и адекватного описания общества становится также инструментом пропаганды. К метафорам обращаются не только для того, чтобы понять, но и для того, чтобы объяснить и убедить.

Как справедливо отмечал Антуан Де Бек, телесная метафора распространилась в это время в текстах и иконографии шире, чем какая-либо другая, потому что именно в ней удачно соединились яркая, впечатляющая образность (будь то Монархия в образе Франции, сопровождающей короля, или впоследствии Республика в образе Марианны) и научный дискурс (уподобление государства и общества живому организму, казалось, открывало возможность для его естественно-научного познания)³³.

В самом начале революции аббат Эмманюэль-Жозеф Сийес в знаменитом памфлете *Что такое третье сословие?*, объясняя устройство общества, смело использовал метафоры и машины, и тела. «Что-

³² Руссо. 1907: 27–28.

³³ См.: *De Baecque*. 1993: 12–19.

бы понять социальный механизм, – писал он, – нужно анализировать общество, как разбирают обыкновенную машину: сначала рассмотреть каждую часть в отдельности, затем соединить все части (конечно мысленно) одну за другой, чтобы понять их связь и уразуметь общую гармонию»³⁴. В своем описании возникновения общества Сийес следовал теории общественного договора: индивиды добровольно вступают между собой в договорные отношения и объединяются в союз. Чтобы такой союз был прочным, у него «должна быть одна общая воля; без единства воли общество не может образовать сознательного и работоспособного целого»³⁵. Т.е., по Сийесу, общество может изучаться как машина, но при этом оно наделено волей, подобно живому существу. В дальнейшем именно органическое единство общества давало право депутатам Генеральных штатов говорить от имени всей нации. При этом у Сийеса нация – это не всё общество, а только его часть, хотя и бóльшая. Знать в нацию не входит. Аргументируя свою точку зрения, Сийес ссылается на различные человеческие интересы, которые, по его словам, «могут быть разделены на три рода: 1) интересы, ради которых люди собираются в нацию, или истинные общественные интересы; 2) такие, ради которых люди собираются в небольшие группы, или сословные интересы, и 3) такие, ради которых каждый человек обособляется, думая только о себе, или личные интересы»³⁶. Из них безусловно полезны только первые, общественные интересы, личные интересы не всегда полезны, но терпимы, а сословные интересы – самые вредные, и их необходимо искоренять. Поэтому, чтобы войти в нацию, знать должна отказаться от своих привилегий. Развивая телесную метафору, Сийес сравнивает привилегированные сословия в обществе со злокачественной язвой на теле больного: «Она только способна подтачивать его силы и погубить. Необходимо устранить ее окончательно и восстановлением здоровья и нормальной деятельности всех органов предупредить возможность болезненных явлений»³⁷. Телесная метафора, использованная в памфлете Сийеса, стала сильным средством пропаганды и немало поспособствовала популярности этого сочинения. В данном и подобных ему случаях метафора как способ проникнуть в суть социального явления смыкается с метафорой как выразительным средством художественного языка.

³⁴ Сийес. 1906: 41.

³⁵ Сийес. 1906: 42.

³⁶ Сийес. 1906: 59.

³⁷ Сийес. 1906: 64.

В связи с подготовкой к созыву Генеральных штатов в 1789 г. актуализировалось старинное представление о делении общества на три сословия: *oratores*, *bellatores* и *laboratores*, которые в совокупности образуют Генеральные штаты и – шире – саму нацию. Каждое из сословий легко было персонализировать, используя синекдоху и показывая целое сословие в образе одного его представителя, что не раз делали художники. Так, анонимный гравер посвятил предстоящему созыву Генеральных штатов медальон, изобразив дворянина, священника и горожанина-простолюдина в характерных для каждого сословия костюмах готовыми соединиться и протянуть друг другу руки³⁸.

Но более широкою известность завоевала карикатура «Три сословия», на которой привилегированные, в соответствии с идеями Сийеса, противопоставлены простолюдину, вынужденному тащить их на своем горбу (Илл. 3). Композиционно все они составляют единое целое, но это мнимое единство, и оно должно разрушиться. Под рисунком стоит подпись: «Надо надеяться, что это скоро кончится». Зритель, глядя на карикатуру, должен сделать вывод, что третье сословие (Нация) скоро сбросит с себя ненужный ему груз в виде высших сословий. В дальнейшем, после отмены сословий и провозглашения гражданского равенства визуальной метафорой Нации стала привычная женская фигура, но уже без королевских лилий. Образ свободной Нации, единой и неделимой, воодушевленной одним духом и наделенной одной волей, можно было встретить повсюду, от картины, посвященной *Декларации прав человека и гражданина*, где художник Жан-Жак-Франсуа Ле Барбье изобразил Францию в левом верхнем углу увенчанной короной и сбрасывающей цепи (Илл. 4), до игральных карт. Так аллегорическая фигура Франции (супруги короля) стала прообразом будущих Нации, Свободы и Республики-Марианны, которой посвятил свои исследования Морис Агюлон³⁹. Эта метафора, некогда бывшая средством познания, превратилась преимущественно в эффективное орудие пропаганды.

³⁸ <https://www.parismuseescollections.paris.fr/fr/musee-carnavalet/oeuvres/medaillon-sur-les-costumes-des-deputes-des-trois-ordres-revolution#infos-principales> (дата обращения: 24.05.2021).

³⁹ *Agulhon*. 1979; *Agulhon*. 1989; *Agulhon*. 2001.

Илл. 3. Три сословия.

Илл. 4. Декларация прав человека и гражданина

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. IV. <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt> (дата обращения: 20.04.2021).

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. СПб., 1907.

Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? СПб., 1906.

Dictionnaire de l'Académie française. 4ème éd. P., 1762.

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1re éd. 1751–1772.

Figon Ch. Discours des États et Offices tant du gouvernement que de la justice et des finances. P., 1579.

Guyot P.-J.-J. et al. Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives et privilèges annexés en France à chaque dignité, [...] ouvrage de plusieurs jurisconsultes et gens de lettres [...]. 4 vols. P., 1786–1788.

Loyseau Ch. Traité des ordres et simples dignitez // Les oeuvres de maistre Charles Loyseau, contenant les cinq livres du droit des offices, les traitez des seigneuries, des ordres et simples dignitez, du déguerpissement et délaissement par hypothèque, de la garantie des rentes et des abus des justices de village. Lyon, 1701.

Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations // *Voltaire*. Œuvres complètes. P., 1878. Т. XI–XIII.

Гравюра, посвященная восшествию на престол Людовика XVI <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69401165.item> (дата обращения: 24.05.2021).

Гравюра, посвященная коронации Людовика XVI (дата обращения: 24.05.2021).

Гравюра, посвященная рождению первого дофина (дата обращения: 24.05.2021).

Гравюра, посвященная созыву Генеральных штатов <https://www.parismuseescollections.paris.fr/fr/musee-carnavalet/oeuvres/medaillon-sur-les-costumes-des-deputes-des-trois-ordres-revolution#infos-principales> (дата обращения: 24.05.2021).

Долгожданное возвращение. Эстамп <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6942553f> (дата обращения: 24.05.2021).

Надежда Франции. Эстамп <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8446738w.item> (дата обращения: 24.05.2021).

ЛИТЕРАТУРА

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002.

Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // Варфоломеевская ночь: событие и споры / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2001.

Десимон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв.: функции метафоры // *Анналы на рубеже веков: антология* / Отв. ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. М., 2002. С. 169–193.

Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция (1460–1610): от Людовика XI до Генриха IV. М., 2004.

Рикёр П. Живая метафора. Очерк 8: Метафора и философский дискурс. С. 131 [http://www.horizon.spb.ru/images/downloads/review/pdf/2013/2/2013-2-2_\(106-150\)_Рикёр.pdf](http://www.horizon.spb.ru/images/downloads/review/pdf/2013/2/2013-2-2_(106-150)_Рикёр.pdf) (дата обращения: 20.04.2021).

Agulhon M. Marianne au combat. L'imagerie et la symbolique républicaines de 1789 à 1880. P., 1979.

Agulhon M. Marianne au pouvoir. L'imagerie et la symbolique républicaines de 1880 à 1914. P., 1989.

Agulhon M. Les Métamorphoses de Marianne. L'imagerie et la symbolique républicaines de 1914 à nos jours. P., 2001.

Cosanday F. Le rang: Préséances et hiérarchies dans la France d'Ancien Régime. P., 2016.

De Baecque A. Le corps de l'histoire. Métaphores et politique (1770–1800). P., 1993.

Le Roy Ladurie E. L'État royal de Louis XI à Henri IV, 1460–1610. P., 1987

Ricoeur P. La Métaphore vive. P., 1975.

Valensise M. Le sacre du roi: stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française // *Annales: Économies. Sociétés. Civilisations*. P., 1986. № 3. P. 543–577.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Лучицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В
СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (*вместо*
Введения).....5

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ, СОКРОВИЩНИЦА
НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
МЕТАФОРЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ.....16

П.С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ.....35

Л. А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....51

Т.В. Артемьева

«ОБРАТНАЯ» МЕТАФОРА КОРАБЛЯ: ЧЕРЕЗ СОЦИУМ
К МЕТАФИЗИКЕ.....69

А.П. Петухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЯД В ТЕКСТАХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....80

Л.Б. Сукина

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА
НА РУССКИХ ИКОНАХ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»
КОНЦА XV–XVI В.....99

Д.Д. Харман

ТАК СУДЬБА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ: «ЖИРНАЯ КУХНЯ» И
«БЕДНАЯ КУХНЯ» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО КАК
МЕТАФОРА НИДЕРЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в.123

А.Е. Махов

СТОИЦИЗМ И ЕГО МЕТАФОРЫ В КНИЖНОЙ
ЭМБЛЕМАТИКЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.145

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ
ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА.176

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

О.А. Соколов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ЭПОХИ
АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.201

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Герштейн

МИР МЕЖДУ РАЕМ И АДОМ: ПРАЗДНИК ТРЁХ ЦАРЕЙ
ИЕРОНИМА БОСХА (Рец. на: *М.Р. Майзульс*. Между Христом и
Антихристом: «Поклонение Волхвов» Иеронима Босха». М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 238 с.)218

SUMMARIES223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ230

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА232

СОДЕРЖАНИЕ233

CONTENTS235

CONTENTS

SOCIAL ENTITIES AND THEIR METAPHORICAL INTERPRETATIONS

S.I. Luchitskaya

METAPHORS OF SOCIETY: THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL IMAGINATION (in lieu of an introduction).....5

A.V. Rusanov

THE HOUSE OF SCHOLARSHIP, THE SEEDS OF KNOWLEDGE,
THE TREASURY OF SCIENCE: RHETORICAL IMAGERY
AND SOCIAL METAPHORS OF 13th AND 14th CENTURIES
WESTERN EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITIES.....16

P.S. Bychkov

THE USE OF BODY METAPHOR IN DESCRIBING THE
SOCIAL IN CHRISTINE DE PIZAN'S "THE BOOK OF
THE BODY POLITIC".....35

L.A. Pimenova

FROM THE MONARCHY TREE TO NATION: THE USE
OF METAPHORS IN EARLY MODERN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE.....51

T.V. Artemyeva

THE 'REVERSE' SHIP METAPHOR: APPROACHING
METAPHYSICS VIA SOCIETY.....69

A.P. Petukhova

THE STRUGGLE FOR THE AUDIENCE: METAPHORS IN THE
TEXTS OF LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES
RUSSIAN CONSERVATIVES.....80

L.B. Sukina

A VISUAL METAPHOR OF THE MEDIEVAL SOCIETY IN
THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURIES RUSSIAN
"IN THEE REJOICETH" ICONS99

D.D. Harman

THUS FATE KNOCKS AT THE DOOR: PIETER BRUEGEL

THE ELDER'S 'THE FAT KITCHEN' AND 'THE THIN KITCHEN' AS A METAPHOR OF SOCIAL MOBILITY.....	123
---	-----

A.Eu. Makhov

STOICISM AND ITS METAPHORS IN EARLY MODERN EMBLEM BOOKS.....	145
---	-----

IMAGES OF POWER

M.A. Vedeshkin

FROM 'GREEKLING' TO 'THUNDERBOLT': THE MANY NICKNAMES OF EMPEROR JULIAN.....	176
---	-----

HISTORICAL MEMORY

O.A. Sokolov

THE CRUSADES IN THE ARABIC RENAISSANCE POETRY AND PROSE.....	201
---	-----

REVIEWS

A. B. Gerstein

THE WORLD BETWEEN PARADISE AND HELL: "FEAST OF THE THREE KINGS" BY H. BOSCH (Rev.: <i>Maizuls M.R.</i> Between Christ and Antichrist: "The adoration of the Magi" by H. Bosch. Moscow.: Alpina non-fiction, 2021. 238 p.).....	218
---	-----

SUMMARIES.....	223
----------------	-----

POLICY PAGE.....	232
------------------	-----

LIST OF AUTHORS.....	233
----------------------	-----

CONTENTS.....	235
---------------	-----